

В. И. ЛЕНИН

С. П. ТОЛСТОВ

В. И. ЛЕНИН И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ

(К 25-летию со дня смерти)

I

25 лет прошло с тех пор, как не стало основателя Советского государства, величайшего политического деятеля, мыслителя и ученого нашего века — Владимира Ильича Ленина. 25 лет советский народ, выполняя священную клятву, данную товарищем Сталиным над гробом своего учителя, победоносно идет, ведомый партией Ленина — Сталина, преодолевая все преграды, создаваемые врагами прогресса человечества, по пути к коммунизму, по ленинскому пути. В эти дни уместно оглянуться и проверить себя, посмотреть, что сделано каждым из нас на своем участке строительства коммунизма, что сделали мы для исполнения Сталинской клятвы. Мы знаем, что нет такой отрасли строительства хозяйства и культуры, нет такой отрасли советской науки, которая не была бы обязана своими успехами титаническому гению Ленина, великому учению ленинизма. И советская этнография не составляет, конечно, исключения. Только творческому освоению советскими этнографами метода марксизма-ленинизма обязана наша наука тем, чего она достигла сейчас. И, с другой стороны, вдумываясь в те наши неудачи и ошибки, на которые мы не вправе закрывать глаза, — мы не можем не видеть, что они порождены тем, что не все советские этнографы достаточно овладели методом марксизма-ленинизма, не все достаточно прониклись страстной и непреклонной большевистской партийностью в науке, не все достаточно осознали ленинско-сталинское учение о единстве теории и практики. Когда говоришь о значении Ленина для развития той или иной конкретной науки, самое трудное — это ограничить себя определенной частью ленинского научного наследства, ибо все учение ленинизма в его единстве оказало и оказывает мощное влияние на развитие каждой отрасли советской науки. Многогранный гений Ленина охватил и тот круг проблем, который составляет предмет этнографии, и глубокое, всестороннее изучение наследства Ленина помогает нам дальше и дальше двигать нашу науку вперед.

II

Центральной задачей этнографии является изучение культуры народов мира, на какой бы стадии исторического развития они ни стояли, в ее национальной и этнической специфике, в ее историческом становлении и развитии. Выявить это специфически присущее данной нации или народности, вскрыть ее вклад в сокровищницу мировой культуры — в этом цель и смысл этнографии как науки. Поэтому особое место в этнографии занимает учение о нации и предшествовавших ей

формах этнических объединений. Полной разработкой этого учения мы обязаны великому ученику, соратнику и продолжателю Ленина — И. В. Сталину. Но уже в ранних работах Ленина мы находим блестящие высказывания по ряду конкретных и общих вопросов, связанных с этой проблемой, впоследствии в ее целом гениально разрешенной Сталиным.

Я напому замечательное место из работы Ленина «Что такое «друзья народа»...?», где он блестяще разбивает примитивные представления Михайловского, заимствованные «из той детской побасенки, которой учат гимназистов», выводящей государство из племени и семьи и рассматривающей «национальные связи» как «продолжение и обобщение связей родовых». «Если г. Михайловский с важным видом повторяет этот ребяческий вздор, так это показывает только, — помимо всего другого, — что он не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако, о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии... Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»¹.

Так разоблачается антинаучность не только «детских побасенок» Михайловского, но и новейших «теоретических» измышлений идеологов англо-американского агрессивного космополитизма, провозглашающих нацию и национальный суверенитет «пережитками эпохи дикости и варварства» и с серьезным видом ищущих в современных международных отношениях «продолжение и обобщение»... межплеменных отношений папуасов (Г. Батесон и другие).

Так наносится беспощадный удар по буржуазным концепциям, пытающимся идеологически увековечить капитализм, возводя буржуазное государство и весь капиталистический строй к племени, роду и семье. Мы знаем, что эти «детские побасенки», давно сданные в архив в советской исторической науке и, в частности, в советской этнографии, — отнюдь не являются прошедшим днем в буржуазной социологии и «антропологии». Наоборот, эти «побасенки, которым учат гимназистов», с достойной лучшей применения энергией вновь извлекаются из мусора и в качестве последнего слова науки преподносятся на страницах произведений идеологов американской реакции. И бичующий сарказм Ленина звучит столь же актуально и современно по адресу хотя бы идеологов «нового направления» в американской «антропологии» Чэппла и Куна, утверждающих, что все политические, религиозные и экономи

¹ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. I, стр. 73.

ческие институты выросли из семей «путем распространения их (семей) личного состава за пределы семьи»², — как и по адресу давно ушедшего в прошлое Михайловского.

Цитированные слова Ленина — жестокий удар по буржуазно-националистическим концепциям, и поныне пытающимся сводить национальную общность целиком к древним корням племенной и расовой общности, не видящим принципиально иной исторической базы, на которой формируются современные нации, чем та, на которой возникли и развивались древние племенные связи. Слова Ленина — удар против тех, кто и посейчас пытается в племенной и, далее, расовой общности видеть основу современной политической жизни, — выступают ли эти тенденции в «пангерманском», «англосаксонском», «пантюркистском», «панфиннистском» или «паниранском» одеянии.

Огромное значение для правильного понимания нами сущности национальной культуры в капиталистическом обществе имеет замечательное высказывание Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре: «Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие же две культуры* в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.»³.

«В *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры. Поэтому «национальная культура» вообще *есть* культура помещиков, попов, буржуазии»⁴. В этих словах Ленина, как и в других многочисленных его высказываниях по национальному вопросу, — ценнейшее руководство к действию для исследователя истории национальной культуры любого народа, для борьбы как против буржуазного национализма, так и против буржуазного космополитизма.

Мы находим у Ленина замечательные указания на то, как надо понимать пролетарский интернационализм — проявление братской солидарности трудящихся, — ничегò общего не имеющий с реакционным буржуазным космополитизмом, вырастающим на почве космополитических связей монополистического капитала. «Да, интернациональная культура не безнациональна, любезный бундист, — пишет Ленин, полемизируя с бундовцем Либманом. — Никто этого не говорил. Никто «чистой» культуры ни польской, ни еврейской, ни русской и т. д. не провозглашал... Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только и безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации»⁵.

Эти высказывания Ленина нельзя не вспомнить в связи с распро-

² E. D. Chappie and C. S. Coon, Principles of Anthropology, N. Y., 1942; см. также рецензию Н. А. Бутинова на эту книгу в журн. «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 248—251.

³ В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу, Соч., т. XVII, стр. 143.

⁴ Там же, стр. 137.

⁵ Там же.

странением за последние годы среди некоторой части наших историков и историков культуры пресловутой «теории единого потока», исследователи которой пытаются видеть источник национальной гордости советских людей не в том, в чем видел его Ленин, а в том, что Ленин ненавидел со всей присущей ему революционной страстностью, — в приукрашивании своего прошлого рабства, в возвеличении той истории «насилий и грабежа, крови и грязи»⁶, каковой является история феодально-крепостнического и капиталистического строя, в рассмотрении прошлой истории культуры своего народа — до того, как Великая Октябрьская революция покончила с классовым строением общества, — как истории единой национальной культуры.

Задачей советской этнографической науки является борьба за строго партийный, строго дифференцированный подход к культурному наследию каждого народа, умение различать в нем передовые, прогрессивные явления, которые «только и безусловно» должны войти в золотой фонд национальной социалистической культуры каждого народа, и те явления, которые являются отражением старого, отсталого, застойного уклада жизни, взорванного Великим Октябрем, и подлежащие скорейшему изживанию. А ведь у нас немало среди этнографов людей, которые подходят с одинаковой бесстрастностью или, наоборот, с одинаковым пристрастием и любованием и к историческому шаманскому заклинанию, и к героическому эпическому сказанию, и к замечательному узорочью русского народного орнамента, и к давно ставшей достоянием музеев курной избе. Что это, как не своеобразное преломление той же порочной «теории единого потока»?

Нередко среди наших этнографов и фольклористов можно встретить отношение ко всему бытующему или бытовавшему в народе, как к неизбежно уже по самому своему существу демократическому и заслуживающему восхваления и любования. Не мешало бы в этой связи вспомнить одно место из известного письма Ленина к Горькому: «Народное» понятие о боженьке и божечком есть «народная» тупость, забитость, темнота, совершенно такая же, как «народное представление» о царе, о лешем, о таскании жен за волосы. Как можете вы «народное представление» о боге называть «демократическим», я абсолютно не понимаю»⁷.

Мы знаем, как упорно, страстно и решительно боролся Ленин как с «ультралевыми», — на деле отражающими тенденции великодержавного шовинизма и буржуазного космополитизма, — отрицателями права наций на самоопределение, равноправия национальных языков, сторонниками насильственной ассимиляции, так и с проводниками идеологии буржуазного национализма в рабочем движении, всеми этими бундистами и «национал-социалами» разных мастей. И мы знаем, какую грандиозную победу одержала ленинско-сталинская национальная политика, завершившаяся созданием великого Советского Союза — многонационального государства нового типа, нерушимо противостоящего всем попыткам расколоть его железное единство, основанное на действительном интернационализме, на подлинном равноправии больших и малых наций, строящих свою богатую и яркую в разнообразии ее национальных форм социалистическую культуру. Рядом с СССР в лагере прогресса и подлинной демократии встали народно-демократические республики. Ленинско-сталинская национальная политика воодушевляет сейчас своим примером бесчисленные угнетенные народы Востока и Запада, поднимающиеся на борьбу за национальное освобождение и независимость.

И недаром имя Ленина, как и имя его великого продолжателя — Сталина, одинаково дорого и народам Советского Союза и угнетенным

⁶ В. И. Ленин, *Соч.*, т. XVIII, стр. 82.

⁷ Там же, т. XVII, стр. 85.

народам капиталистического мира, недаром оно звучит призывом к борьбе и сияет факелом надежды на грядущее освобождение и в Греции, и в Испании, и в Индии, и в Индонезии, и во Вьетнаме и Китае, недаром знают и чтят его народы самых отдаленных уголков мира.

Советский патриотизм, так ярко проявивший себя в дни Великой Отечественной войны, патриотизм, неотделимый от пролетарского интернационализма, ведет свою родословную от тех идей, которые были выкованы Лениным и Сталиным еще в суровые годы борьбы руководимой партией большевиков рабочего класса России за свержение помещичье-капиталистического гнета и которые звучат в замечательной статье Ленина 1914 г. «О национальной гордости великороссов»⁸: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свержать попа и помещика»⁹. «И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великой России, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий»¹⁰.

Эти слова Ленина нельзя не вспомнить в связи с тем разгулом пропаганды идей буржуазного космополитизма, рассадником которых стала империалистическая Америка, заправили Уолл-стрита и их продажные «ученые» оруженосцы и «социалистические» подпевалы, все эти бевини, блюмы и им подобные. Как в грозные дни борьбы всего прогрессивного человечества против фашистской чумы, так и в наши дни с предельной отчетливостью выясняется тот непреложный факт, что только рабочий класс, только трудящиеся массы, «простые люди» всех народов мира, высоко держат знамя подлинной национальной гордости каждого народа, что именно ученики Ленина и Сталина, коммунисты всех наций, в дни войны возглавившие движение сопротивления против фашизма, сейчас возглавляют борьбу за мир, за суверенитет и равноправие всех больших и малых наций против захватнической политики «космополитических» расистов Уолл-стрита, против предательской политики своих отечественных «космополитов».

Еще раз оправдываются слова Ленина о том, что «когда дело доходит до основ экономической власти, власти эксплуататоров, до их собственности, дающей в их распоряжение десятки миллионов труда рабочих и крестьян, дающей возможность наживать в их помещичьих интересах;— когда, повторяю, дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости... Когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими-угодно чужеземцами»¹¹.

С тем большей непримиримостью и остротой должны мы бороться против всех и всяческих проявлений буржуазного космополитизма, на

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 80—83

⁹ Там же, стр. 81.

¹⁰ Там же, стр. 82.

¹¹ Там же, т. XXIII, стр. 158.

деле являющегося едва прикрытой формой англо-американского расизма, расизма новых претендентов на мировое господство, — исходят ли эти космополитические тенденции из их американского первоисточника, или речь идет об их отголосках в нашей этнографической литературе.

Мы не можем мириться с попытками рассматривать историю материальной культуры русского народа и других народов СССР на всем протяжении их истории как сплошную смену идущих с Запада «международных мод», как нас пытается уверить в этом профессор Зеленин¹², под прикрытием разглагольствований об этих «международных модах» полностью выхолащивающий всякую самобытность в народной культуре русских, мордвы, мари и других народов Европейской части СССР и упорно отказывающийся видеть тесное историческое взаимодействие культуры этих народов, в течение многих столетий тесно связанных друг с другом, — в частности, вопреки фактам, решительно отказываясь признать древнее и плодотворное влияние культуры русского народа на культуру хантов, манси, мордвы, пермяков и др.¹³ Мы не можем мириться с попытками проф. Жирмунского видеть в узбекском народном эпосе, с одной стороны, проявление какой-то «общетюркской», «степной» эпической стихии, а с другой — влияние лубочной персидской литературы, не говоря уже о приплетаемых по всякому поводу и без всякого повода всевозможных «мировых сюжетах»¹⁴. Мы не можем равнодушно относиться к тому, что проф. Равдоникас в своем учебнике «История первобытного общества» приводит без всякой нужды многие десятки десятистепенных имен буржуазных авторов — всяких американских туристов и скандинавских краеведов, всевозможных Гансенов, Альмпренов, Ольсонов, Бреггеров, Фрединых, Постов, Пэльси, Линдквистов и тому подобных, ничем особенным, кроме того, что они иностранцы, себя не зарекомендовавших личностей, о которых советским студентам знать более чем не обязательно, — и не находит нужным упомянуть ни одного ныне здравствующего советского этнографа (кроме проф. Косвена — в ругательном контексте), из советских археологов делая исключение только для... проф. Равдоникаса¹⁵. К чему приводит проф. Равдоникаса это пренебрежение к советской науке, нам придется увидеть ниже.

Все эти попытки принижения русской национальной культуры и культуры народов СССР, подмены ее «международными модами» или «странствующими сюжетами» и умышленного замалчивания достижений русской, особенно — советской науки, выдвигание на первый план всевозможных иностранцев, безразлично — заслуживают они этого или нет, — что это, как не отражение влияний чуждого и враждебного советскому народу буржуазного космополитизма, против которого мы обязаны развернуть жестокую, беспощадную борьбу!

III

Поистине огромным для истории нашей науки является значение для нее уже первых исследований Ленина — блестящей серии его работ, посвященных разгрому народнических «теорий».

Одно из центральных мест в этих работах занимает решение вопроса о судьбе русской сельской общины в конкретных условиях развития капитализма в России, являющегося частным вопросом для более широ-

¹² Проф. Д. К. Зеленин, Общие элементы в древних финских и русских костюмах, «Ученые записки Ленинградского гос. ун-та, Серия востоковедческих наук», 2, стр. 82, 86, 90.

¹³ Там же, стр. 89.

¹⁴ Е. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, М., 1947, стр. 447, 449; 451, 452, 494, а также стр. 86—87, 182, 220, 373, 377, 434, и мн. др.

¹⁵ В. И. Равдоникас, История первобытного общества, II, Л., 1947.

кой проблемы о судьбе докапиталистических, в частности, первобытно-общинных пережитков в условиях капиталистического строя — проблемы, имеющей огромное методологическое значение для этнографии как науки. Исследования Ленина являются блестящим примером конкретно-исторического разрешения этой проблемы.

Огромную руководящую роль для развития советской этнографии сыграло учение Ленина об укладах, полностью развернутое им в его работах «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» и «О продовольственном налоге»¹⁶; основы этого учения закладываются уже в ранних работах Ленина, в связи с анализом соотношения и взаимосвязи патриархальных, феодальных и капиталистических элементов в экономике царской России. Мы помним, как Ленин резко возражал против упрощенчества и схематизации в вопросах развития земельных отношений. Обращаясь к буржуазным статистикам и экономистам, Ленин писал: «Господа! вы сами больше всего виноваты в поддержке и распространении упрощенных и углубленных взглядов на эволюцию земледелия! Вспомните «Капитал» Маркса. Вы найдете там указание на чрезвычайно разнообразие форм землевладения — феодальное, клановое, общинное (добавим: примитивно-захватное), государственное и проч., — которые застает капитал при своем появлении на историческую сцену. Капитал подчиняет себе и преобразует по-своему все эти различные формы землевладения, но именно для того, чтобы понять, оценить, статистически выразить этот процесс, необходимо уметь видоизменять постановку вопроса и приемы исследования применительно к различным формам процесса»¹⁷.

Именно понимание пережиточных общественных форм, восходящих к первобытно-общинному строю, но исторически развивающихся в условиях взаимосвязи с более прогрессивными общественными укладами, подчиняющими себе и трансформирующими более архаические уклады, дало возможность понять сущность таких явлений, как например, патриархальный род у многих народов Советского Востока.

И если советская этнография добилась крупных достижений в деле исследования общинно-родовых пережитков у народов СССР в первые полтора десятилетия после Великой Октябрьской революции, то этим она целиком обязана тому, что следовала по пути, намеченному Лениным, по пути конкретно-исторического анализа исследуемых явлений в их генезисе, движении и развитии, руководилась четко сформулированным Лениным принципом, гласящим, что «безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране, ...учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»¹⁸. Благодаря этому советская этнография сумела избавиться от буржуазных позитивистско-эволюционистских традиций в изучении докапиталистических пережитков, традиций, связанных с взглядом на такие явления, как род в его различных формах, как семейная и сельская община, — как на явления внеисторические, неизменно везде и всюду сохраняющие свои раз навсегда данные свойства и особенности. Характерно, что как Ленин пришел к разработке этих проблем, исходя из конкретных, практических потребностей революционного движения, и разрабатывал их в жестокой и победоносной борьбе с реакционным народничеством, — так и советские этнографы, следуя по указанному Лениным пути, исходили из практических потребностей социалистического строительства и связанной с ними классовой борьбы

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 513; т. XXVI, стр. 338.

¹⁷ Там же, т. XVII, стр. 609.

¹⁸ Там же, стр. 431—432.

рабочего класса и трудового крестьянства СССР против остатков эксплуататорских классов и разрабатывали теоретические вопросы, связанные с докапиталистическими пережитками у народов СССР, в жесткой борьбе с авторами народнически-националистических теорий, пытавшихся изобразить род, на деле являвшийся орудием воздействия на массу трудящихся «сородичей» со стороны эксплуататорской верхушки, как готовую ячейку социализма. Именно благодаря этому следованию ленинскому методу, связи теории с практикой, рассмотрению исследуемых общественных явлений в их историческом контексте, в их живой жизни, советская этнографическая наука смогла добиться исключительных достижений в понимании не только настоящего, но и близкого и далекого прошлого, преодолев абстрактно-схематический подход к исследуемому материалу. В этом огромное значение ленинско-сталинского этапа в развитии нашей этнографической науки.

«Ленинизм,— учит нас товарищ Сталин,— есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции»¹⁹, когда «центр революционного движения должен был переместиться в Россию»²⁰, в царскую Россию — «тюрьму народов», с ее сложным национальным составом, поставившим на очередь дня проблему марксистского разрешения национального вопроса во всем ее объеме, когда со всей силой выступило отмечаемое товарищем Сталиным третье противоречие империализма — «противоречие между горстью господствующих «цивилизованных» наций и сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира»²¹, превратившихся в могучую движущую силу революции, в мощный резерв пролетариата, когда, наконец, победа Великого Октября со всей конкретностью выдвинула блестяще разрешенную теперь задачу некапиталистического развития отсталых народов России, под руководством партии Ленина — Сталина, при помощи русского рабочего класса, к социализму, минуя промежуточные стадии развития.

Если во времена Маркса и Энгельса, когда все эти проблемы еще не стояли перед марксистским движением, основной задачей марксистской этнографии в области изучения явлений первобытно-общинного строя была задача восстановления общего хода мирового исторического процесса в его прогрессивном, поступательном движении от первобытной общины к классовому обществу; если основной заслугой передовой этнографии того времени являлось доказательство положения об исторической ограниченности устоев капиталистического общества, частной собственности, буржуазного государства, — то теперь, во времена Ленина и Сталина, эти задачи стали неизмеримо шире и ответственнее. Народы с первобытно-общинным строем и его пережитками в условиях империализма и пролетарской революции стали активной политической силой, активными участниками революционных и национально-освободительных движений, а в условиях Советской страны — активными участниками строительства социализма и коммунизма. Соответственно перед этнографами-марксистами встала задача изучения истории, общественного строя и культуры каждого конкретного народа, в том числе и народов, которых империализм застал на стадии первобытно-общинного строя, во всей сложности и противоречивости их современного общественного бытия.

Нельзя, однако, не отметить, что, если в применении к истории народов Советского Союза советская этнография добилась на этом пути уже очень многого²², то в разработке аналогичных вопросов в применении к зарубежным народам, в первую очередь — к сохранившим те

¹⁹ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 71.

²⁰ Там же, стр. 79.

²¹ Там же, стр. 73.

²² Обзор работ см. в нашей статье «Советская школа в этнографии», «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 14, прим. 3.

или иные формы и традиции первобытно-общинных отношений народам колониальных и зависимых стран, сделано еще чрезвычайно мало. Наши этнографы предпочитают еще по-старинке смотреть на культуру этих народов лишь как на неисчерпаемый источник материала для общесоциологических построений, оперировать отдельными, вырванными из исторического контекста, фактами и примерами для подкрепления или иллюстрации абстрактных социологических схем²³. Проблемы конкретно-исторического исследования общественного строя колониальных народов в тесной связи с их современными историческими судьбами, в тесной увязке с теми задачами, которые стоят сейчас перед национально-освободительным движением этих народов,— еще не стали в центре внимания наших этнографов-зарубежников. Правда, уже появляются отдельные попытки в этом направлении²⁴, однако они явно недостаточны.

А между тем, лишь встав на эти позиции, можно не только решить большие вопросы, связанные с современностью и с новейшей историей колониальных народов, но и до конца понять те явления их общественной жизни, которые помогают восстановить древнейшие этапы истории современного человечества,— задача, которую поставили перед

²³ Вредность неизжитых еще некоторыми советскими этнографами традиций эволюционно-компаративистского подхода к исследованию социальных явлений можно видеть на примере работы Д. А. Ольдерогге «Кольцевая связь родов или трехродовой союз (Gens triplex)» (Краткие сообщения Института этнографии, I, 1946, стр. 23, сл.), представляющей реферат его неопубликованной еще большой монографии под тем же названием. Здесь, оперируя вырванными из исторического и этнического контекста примерами, автор пытается исследуемую им систему одностороннего кузенного брака, существующую, как правило, только у народов с развитым патриархально-родовым строем, поставить в один ряд, в качестве «наиболее древней» формы, с брачными нормами, вытекающими из дуально-экзогамной системы, зарегистрированной у народов с наиболее архаическим строем хозяйства и общества и, несомненно, восходящей к «средней ступени дикости» — эпохе становления родового строя в его матриархальной форме. В работах М. О. Косвена «Авункулат» (Советская этнография, 1948, № 1) и «Семейная община» (там же, 1948, № 3), где автор ставит перед собой важные и актуальные вопросы исторической периодизации ряда явлений первобытной общественной организации и в основном верно нащупывает их решение, наличие того же недостатка, что и отмеченный выше,— рассмотрение многих фактов вне должного учета исторической среды, в которой они бытуют,— лишает автора должной убедительности, а в отношении второй статьи явно приводит автора к схематизации.

Нашим этнографам, не усвоившим еще сущности марксистско-ленинского историзма в анализе общественных явлений, не изжившим еще компаративистских традиций, не мешало бы вспомнить полные сарказма слова Ленина, адресованные Струве: «Сотни страниц труда г-на Струве, посвященные «этюдам и материалам по исторической феноменологии цены», представляют из себя на редкость замечательный образец того, как бегают от науки современные буржуазные ученые. Чего-чего только тут нет! Заметки об ukazной и вольной цене — несколько наблюдений над полинезийцами — цитаты из устава о рыночной торговле, изданного (ученость, ученость!) объединителем Мадагаскара царем Андрианампунимерина в 1782 — 1810 годах — несколько статей из закона вавилонского царя Хаммураби (эпоха приблизительно за 2100 лет до р. х.) о вознаграждении врача за операцию — несколько цитат, преимущественно латинских, в высшей степени ученых, о тарификации покупной цены женщины в германских народных правдах — перевод семи статей, относящихся к торговому праву, из сочинений священных законодников Индии, Ману и Яйнавалкиа — охрана покупателя в римском праве и так далее и так далее вплоть до эллинистических образцов полицейского регулирования цен в Риме и до христианизации римского полицейского права в законодательстве каролингов» (Соч., т. XVII, стр. 277). Что говорить — не в бровь, а в глаз некоторым нашим «компаративистам», например, профессору Равдоникасу, во II томе учебника которого для иллюстрации общественного строя времен «возникновения металлургии бронзы и железа» в одну кучу оказываются смешанными и готтентоты и кафры, монголы Чингис-хана и казахи, калмыки и черкесы, кумыки и лезгины — и даже южные и восточные славяне!

²⁴ Ср., например, кандидатские диссертации: А. И. Блинова, Маорийские войны (отчет о защите см. «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 212); С. Р. Смирнова, Восстание махдистов в Судане (автореферат см. в «Кратких сообщениях» Института этнографии, IV, 1948, стр. 101—103); А. И. Першица, Родоплеменная организация и племенной состав кочевников Северной Аравии в XIX—XX вв. (отчет см. «Советская этнография», 1948, № 4, стр. 191—192).

нами еще Маркс и Энгельс и значение которой подчеркнул Ленин в своей классической «Лекции о государстве», говоря: «Самое надежное в вопросе общественной науки ...это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»²⁵.

IV

Особенно значительный вклад Ленина в разработку проблем того крупного раздела этнографии, которым является история первобытного общества, — это его высказывание о периодизации первобытной истории, блестяще намеченной им в его известном письме к Горькому. Это — лишь одна фраза, но за ней скрыто огромное содержание, грандиозное обобщение, разносторонне освещающее самые различные проблемы первобытной истории. К этим словам Ленина особенно применима замечательная характеристика ленинского литературного стиля, данная И. В. Сталиным: «Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, — когда каждая фраза не говорит, а стреляет»²⁶.

Вдумываясь в эти слова, мы видим, насколько значителен тот шаг вперед, который делает здесь марксистско-ленинская наука от периодизации Моргана — Энгельса. Ленин пишет, полемизируя с Горьким по вопросу о роли религии в «обуздании зоологического индивидуализма людей»: «В действительности «зоологический индивидуализм» обузда не идея бога, обуздаю его и первобытное стадо и первобытная коммуна»²⁷.

С этими словами нельзя не сопоставить одно место в классическом труде Ленина «Государство и революция»: «Не будь этого раскола²⁸, «самодействующая вооруженная организация населения» отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. от примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединенных в клановые общества, но такая организация была бы возможна»²⁹.

И в том и в другом случае мы видим резкое, терминологически подчеркнутое подразделение первобытного, доклассового, догосударственного общества на два этапа.

1. Первобытное стадо = организация первобытных людей (непосредственно стоящая рядом со «стадом обезьян, берущих палки»).

2. Первобытная коммуна = клановое общество.

Анализ этих высказываний не оставляет сомнения в том, что понимает Ленин под первым этапом своей классификации. Подчеркивание полуживотного характера самой организации в термине «первобытное стадо» (ср. во втором тексте — «стадо обезьян»), а во второй формулировке первобытности самих людей (NB: не «первобытная организация людей», а «организация первобытных людей») явно говорит о том, что Ленин имеет здесь в виду переходную форму от обезьяны к человеку и свойственный ей полуживотный еще («стадный») тип социального объединения.

²⁵ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 364.

²⁶ И. В. Сталин, О Ленине, Соч., т. 6, стр. 53.

²⁷ Письмо М. Горькому, декабрь 1913 г., Соч., т. XVII, стр. 85. Разрядка наша. — С. Т.

²⁸ Речь идет о расколе общества на антагонистические классы. — С. Т.

²⁹ В. И. Ленин, Государство и революция, Соч., т. XXI, стр. 375. Разрядка наша. — С. Т.

Собственно говоря, уже в изложении периодизации Моргана у Энгельса мы находим намеки на выделение особой переходной стадии между животным и человеком: в виде особого периода первобытной истории, именуемого Энгельсом вслед за Морганом, низшей ступенью дикости. Заклучая краткую характеристику этого периода, излагающую определение Моргана, Энгельс пишет: «И хотя это состояние длилось, вероятно, много тысячелетий, однако доказать его на основании прямых свидетельств мы не можем; но, признав происхождение человека из царства животных, мы должны допустить такое переходное состояние»³⁰.

Характерно, что у Моргана ничего подобного подчеркнутым словам нет³¹.

Нельзя не выразить сожаления, что наши специалисты по первобытной истории не предприняли изыскания по вопросу о тех литературных источниках, на которые опирался Ленин в своих высказываниях по вопросам истории первобытного общества. Между тем нет никакого сомнения в том, что круг этих источников был достаточно широк. Об этом косвенно свидетельствует нам сам Ленин, говоря в своей классической «Лекции о государстве»: «...если вы возьмете какое угодно сочинение по первобытной культуре, то всегда натолкнетесь на более или менее определенные описания, указания и воспоминания о том, что было время, более или менее похожее на первобытный коммунизм, когда деления общества на рабовладельцев и рабов не было»³². Зная стиль Ленина, мы можем быть уверены, что он никогда не сослался бы на «какое угодно сочинение по первобытной культуре», если бы не был широко знаком с этими сочинениями.

Выделение Лениным этапа «первобытного стада» не случайно. Следует подчеркнуть, что, хотя первые находки предшествующих современному виду человека форм первобытных людей (неандертальцев) относятся еще к середине XIX в. (Гибралтар — 1848, Неандерталь — 1856), однако они много десятилетий оставались совершенно непонятными специалистами. Достаточно сказать, что такой крупный представитель буржуазной науки XIX в., как немецкий анатом и антрополог Рудольф Вирхов, пытался истолковать неандертальский череп как патологический и деформированный от времени череп современного вида человека. Лишь в конце XIX в., в особенности в связи с открытием в 1890 г. черепа питекантропа, учение о питекантропе и неандертальце как о переходных формах от высших обезьян к современному виду человека окончательно восторжествовало в науке. Таким образом, то, что намечалось у Энгельса, с полной четкостью выступает у Ленина, двинувшего дальше развитие марксистского учения о первобытном обществе, опираясь на достижения новейшей прогрессивной науки³³.

³⁰ Ф. Энгельс, Происхождение семьи... К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 9. Разрядка наша.— С. Т.

³¹ Ср. Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 9 и 14—15, где дается характеристика «низшей ступени дикости».

³² В. И. Ленин, Лекция о государстве, Соч., т. XXIV, стр. 365. Разрядка наша.— С. Т.

³³ Характерно, что далеко еще не все советские историки первобытной культуры осознали значение ленинской периодизации истории первобытного общества, по существу снимающей периодизацию Моргана, превращая ее в средство для выделения второстепенных периодов в рамках основных исторических этапов первобытной истории: первобытного стада и первобытной (родовой) общины. Так, уже упоминавшийся нами В. И. Равдоникас в своем учебнике первобытной истории целиком кладет в основу периодизации «этнические периоды» Моргана, довольно произвольно увязанные Равдоникасом с периодами археологической классификации. Ленинская периодизация используется им, но в качестве подчиненной. Где-то в конце характеристики «низшей ступени дикости» автор сообщает, что «общественная жизнь характеризуется еще стадным существованием (пер-

Не менее значительна роль Ленина в разработке одного из важнейших вопросов истории первобытной культуры — вопроса о происхождении религии. Как и всегда, Ленин идет и здесь от конкретных задач, стоявших перед партией и революционным рабочим движением. Его высказывания о первобытной религии входят в общую линию его борьбы против поповско-идеалистических тенденций, проявлявшихся в некоторых кругах партийной интеллигенции после поражения первой русской революции, против всяческих «богоискательств» и «богостроительств». И, как и всегда, именно эта ленинская партийность постановки самых, казалось бы, далеких и отвлеченных вопросов истории общества приводит Ленина к замечательным научным открытиям и общениям.

Надо сознаться, что разработка проблем происхождения религии и истории ее первобытных форм остается поныне слабым участком нашей этнографической науки. В течение многих лет в практике наших антирелигиозных организаций имели широкое хождение различные некритически усвоенные либерально-буржуазные концепции, прежде всего — анимистическая теория Тэйлора и ее хотя и значительно улучшенный, но все же весьма далекий от марксизма вариант, данный Л. Я. Штернбергом, а также концепции Фрэзера, Леви-Брюля и других, наряду с примитивно-идеалистической «теорией обмана», например, в переведенной на русский язык работе Эйльдермана. Заброшенность этого участка дала возможность появиться и в советской литературе таким сочинениям, как дикие фантазии Богораза вроде его брошюры «Эйнштейн и религия» или плоско позитивистские рассуждения Зеленина³⁴, ухитрившегося вывести все содержание анимизма из психологии... беременной женщины, или, наконец, совсем недавно появившаяся полу-фрейдистская психопатологическая «теория» происхождения религии Давиденкова³⁵.

Большинство наших этнографов, занимающихся исследованием первобытных религиозных верований и их пережитков, предпочитает

вобытное человеческое стадо)» (см. В. И. Равдоникас, История первобытного общества, I, Л., 1939, стр. 91—92). Характерно, что в историографическом введении к своей книге Равдоникас уделяет значению Ленина около полутора страниц (обзор буржуазной историографии занимает больше 35 страниц и, например, оголтелому реакционеру Коссина уделено немногим меньше места, чем Ленину), — явное свидетельство недооценки ленинского вклада в дело разработки важнейших вопросов первобытной истории.

Показателем полного непонимания Равдоникасом самого смысла ленинской периодизации является то, что он проводит грань между «нижней ступенью дикости» (соответственно эпохой первобытного стада) и «средней ступенью дикости» (соответственно начальным этапом эпохи первобытной общины) где-то по середине так наз. «ашельского периода» археологической периодизации, между двумя ископаемыми формами человека, двумя ступенями в цепи перехода от обезьяны к современному виду *Homo sapiens* — так наз. гейдельбергским и неандертальским человеком, т. е. избирает более чем второстепенную историческую грань, настолько незначительную, что лежащие по обе ее стороны памятники археологии относятся к одной и той же ашельской культуре.

Куда неизбежно приводит автора его примитивный эволюционизм, нежелание понять значение ленинской периодизации, с позиций диалектического материализма освещающей историю становления человечества, показывает то, что на следующей, «средней ступени дикости» у него в одну кучу оказываются сваленными нижнепалеолитические неандертальцы — ископаемая, обезьяноподобная форма предков современного вида человека, и зверски истребленные в XIX в. англичанами тасманийцы и коренные жители Австралии, которых англо-австралийцы еще не успели полностью уничтожить. Понимает ли В. И. Равдоникас, что его «периодизация» ставит его в один ряд с апологетами этих неприглядных деяний англо-саксонских «цивилизаторов», ибо каждому понятно, что из утверждения о том, что культура австралийцев и тасманийцев находится на одном уровне с культурой неандертальцев, могут быть сделаны только расистские выводы.

³⁴ Д. К. Зеленин, Идеология сибирского шаманства «Известия Академии Наук СССР», 1935, № 8.

³⁵ С. Н. Давиденков, Эволюционно-генетические проблемы невропатологии, Л., 1947.

стоять в стороне от больших проблем, ограничиваясь лишенной всякого анализа публикацией отдельных фактов и наблюдений.

Между тем ленинские высказывания о происхождении и сущности первобытной религии дают ясную ориентацию и четкую направленность для исследователей этой проблемы. Но для того чтобы идти в этом вопросе по ленинскому пути, надо покончить с объективистско-идеализаторским отношением к истории первобытного общества, еще свойственным некоторым этнографам, надо со всей отчетливостью усвоить, что представление о том, будто «первобытный человек получал необходимое как свободный подарок природы,— это глупая побасенка, за которую г. Булгакова могут освистать даже начинающие студенты. Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»³⁶. И далее: «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»³⁷.

Задача, соответственно, состоит в том, чтобы исследовать первобытные религиозные верования в неразрывной их связи с материальными условиями жизни народов первобытно-общинного строя, в конкретных и разнообразных условиях различных этапов первобытной истории, чтобы в этих материальных условиях искать источник этого страха дикаря перед непонятными и враждебными силами природы, который «создал богов». Это труднее, конечно, чем просто описывать шаманские камлания и записывать шаманские тексты или умозрительно строить схемы истории религии, выводя ее из религии же или из психологии, объясняя идеологию идеологией же. Но это действительно необходимо. Идя по этому пути, этнография сможет сыграть крупнейшую роль в укреплении и развитии материалистического мировоззрения широких народных масс. А это именно та задача, которую поставил перед нами Ленин.

V

Одной из центральных, боевых задач советской этнографической науки является систематическая беспощадная критика, последовательное разоблачение новейших реакционных концепций буржуазной этнографии («антропологии» по англо-американскому словоупотреблению) и социологии, усиленно активизирующихся сейчас в направлении общих теоретических и методологических проблем и откровенно становящихся на службу агрессивного империализма.

И здесь мы неизменно должны учиться у Ленина. Не только большевистская непримиримость и страстность ленинской критики должны явиться для нас неизменным образцом в нашей критической работе. Изучая труды Ленина, мы постоянно находим в них готовое отточенное оружие против «новейших» откровений современных реакционеров, ибо, как правило, эти «новейшие концепции» на деле оказываются перепевами весьма старых и давно и основательно разгромленных марксистско-ленинской критикой мотивов. Мы уже коснулись некоторых примеров — напомним «гимназические побасенки» г. Михайловского, заново с ученым видом преподносимые американскому чита-

³⁶ В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 182.

³⁷ Там же, т. VIII, стр. 419. Разрядка наша.— С. Т.

телю Чэпплом и Куном. Напомню псевдоученные компаративистские схемы г. Струве, как две капли воды напоминающие творения новейших американских социологов, пытающихся привлечь австралийский и папуасский материал для истолкования отношений современного капиталистического общества. Исследуя методологию «новейшей функциональной школы» буржуазной этнографии, мы видим в ее основе хорошо знакомую и жестоко разбитую Лениным «теорию равновесия».

И разве жестокая критика «объективизма» и «экономического материализма» Струве, оцененных Лениным, как «отражение марксизма в буржуазной литературе», как попытку буржуазного идеолога использовать извращенные псевдомарксистские положения для апологии капитализма, не вооружает нас в разоблачении новейшего «экономического материализма» школы... патеров Шмидта и Копперса?

За последние годы на страницах нашего журнала появилось уже немало статей и рецензий, посвященных критике новейших «теоретических откровений» идеологов современных поджигателей войны. Однако этого явно недостаточно, и, главное, многие из этих рецензий носят еще поверхностный характер, не вскрывая со всей остротой и принципиальностью реакционную сущность господствующих направлений современной буржуазной этнографии. И здесь, как и всюду, мы должны постоянно учиться у Ленина, воспитывать в себе ленинскую принципиальность и беспощадность к идеологическому врагу, культивировать ленинский стиль критики.

* * *

Мы далеко не исчерпали нашей темы, да она, по существу, и неисчерпаема, ибо отнюдь не только отдельными положениями ленинизма, относящимися к отдельным проблемам этнографии, руководствуется советская этнографическая наука, а всем учением ленинизма в его целом. Нам хотелось бы подчеркнуть в заключение лишь некоторые моменты марксистско-ленинского учения, которые особенно важно не забывать ни на минуту любому исследователю, любому работнику теоретического фронта. Речь идет о неразрывной связи теории с революционной практикой. Напомним слова товарища Сталина: «Вот почему говорил Ленин, что «революционная теория не есть догма», что «она складывается окончательно лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» («Детская болезнь»), ибо теория должна служить практике, ибо «теория должна отвечать на вопросы, выдвигаемые практикой» («Друзья народа»), ибо она должна проверяться данными практики», — так характеризует товарищ Сталин это основное положение ленинизма³⁸.

И мы должны помнить, что только тогда будет процветать советская этнография, только тогда она будет занимать по праву принадлежащее ей место в системе исторической науки, когда она будет «отвечать на вопросы, выдвигаемые практикой» социалистического строительства в нашей стране, революционного и национально-освободительного движения во всем мире.

Но мы твердо должны помнить и другое положение ленинизма, сформулированное товарищем Сталиным: «Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией»³⁹.

³⁸ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. XI, 1946, стр. 11. Разрядка на ша.— С. Т.

³⁹ Там же, стр. 14.

Каждый исследователь должен помнить, что это прямо относится и к практике исследовательской работы. Она также становится слепой, не освещаясь передовой теорией. Этого не следовало бы забывать некоторым нашим «эмпирикам», сводящим задачу этнографа к «объективной» фиксации фактов, к голому описанию. Не надо забывать, что слепота не способствует правильному выбору дороги и что, не руководствуясь революционной теорией, наш «эмпирик» легко может попасть (и попадает, как правило,) на тропинку, проторенную уже буржуазными теоретиками-реакционерами.

И в эти торжественно-траурные дни двадцатипятилетия со дня кончины великого Ленина, с любовью перелистывая снова не однажды читанные, покрытые пометками страницы томов «Сочинений», нельзя не исполниться глубокой благодарностью к тому, кто снабдил нас этим верным компасом, указывающим нам путь на трудном поприще общественной науки.

Обширны, трудны и сложны задачи, стоящие перед советской этнографической наукой. Но, как и вся советская наука, как и вся советская страна, мы стоим на верном пути. С нами бессмертное учение марксизма-ленинизма, с нами великий продолжатель дела Ленина — товарищ Сталин. И, отмечая траурную дату, с гордостью видя перед собой цветущую советскую страну, идущую под водительством Сталина к новым победам, мы вместе со всеми учеными нашей родины готовы отдать все свои силы и знания нашему великому народу, великому делу построения коммунизма.
